

Л. К. Круглова

**Человек как проблема философии,
философии культуры и культурологии**

УДК 130.2+008

В статье обосновывается положение о том, что проблема человека выявляет сложный характер связей между философией, философией культуры и культурологией. Так, культурологическая аксиома «человек есть творец и творение культуры» обуславливает необходимость обращения к философской антропологии. Это дает возможность формирования концепта «антропологическая структура культуры», что не только позволяет решать проблемы культурологии, но и дает выход на социально-философскую и культурфилософскую тематику.

Ключевые слова: философия, философия культуры и культурология, антропологическая структура культуры, универсальный гуманизм.

L. K. Kruglova. Human Being as a Problem of Philosophy, Philosophy of Culture and Cultural Studies

The article substantiates the thesis that the problem of human being reveals the complex nature of relations between philosophy, philosophy of culture and cultural studies. Thus, cultural axiom that «human being creates and is created by culture» necessitates recourse to philosophical anthropology. This enables the formation of the concept of «anthropological structure of culture», which allows not only to solve problems of cultural studies, but also provides an exit to socio-philosophical and cultural-philosophical themes.

Keywords: philosophy, philosophy of culture, culturalology and cultural studies, anthropological structure of culture, universal humanism.

В контексте идей, накопленных к настоящему времени культурологией, едва ли не центральное место занимает широко известная

и всеми принимаемая формула «человек есть творец и творение культуры». Её глубинный смысл содержит в себе однозначное указание на то, что проблема человека является для культурологии базовой, исходной, и, соответственно, антропологический принцип должен быть методологической базой построения всего здания культурологической теории.

Однако концепт «человек» не может быть осмыслен в рамках культурологии. Для этого необходимо обращение к философии и, в частности, к философской антропологии. Возвращение от неё в исследовательское поле культурологии возможно не напрямую, а через философию культуры. Как представляется, необходимость такого рода взаимодействий отражено в названии и содержании труда Э. Кассирера «Опыт о человеке. Введение в философию культуры». Совершенно очевидно, что здесь речь идет не о том, что осмысление феномена человека должно предшествовать философии культуры, а напротив, утверждается, что опыт о человеке является одновременно философией культуры, и наоборот, философия культуры является одновременно и опытом о человеке.

В работе Э. Кассирера, естественно, не ставится вопрос о связи между философией культуры и культурологией, поскольку науки о культуре во времена Кассирера ещё не существовало. В связи со сказанным выше становится ясно, что жизненно необходимым для методологического обеспечения культурологии в плане её развития на основе антропологического принципа является выработка концептов, использование которых сделало бы возможным осуществление реальных взаимодействий между философской антропологией, философией культуры и культурологией из взаимовлияния и взаимообогащения.

Как представляется, в полной мере соответствует этим задачам концепт «антропологическая структура культуры» [1, с. 194–206].

Исходный момент его формирования — это идея принципиальной двойственности человека. Слово «принципиальная» здесь имеет тот смысл, что двойственность — это принцип устройства человеческого существа, вне этой двойственности нет человека.

Так, человек представляет собой единство различных противоположных начал. Это:

- телесное и духовное (тело и дух);
- рациональное и эмоциональное (ум и сердце);
- объектное и субъектное (тварное и творческое);
- индивидуальное и универсальное (микрокосм и макрокосм, я и универсум; я и род);
- общественное и личное (наше и мое; эгоизм и коллективизм);
- биологическое и социальное (животное и личность).

Каждая из этих категорий обозначает сущностное свойство ("силу") человека, находящееся в отношениях противоречия с другим, ему противоположным. Каждое конкретное общество на каждом конкретном этапе своего развития имеет определенные потребности и возможности развития этих сущностных сил человека. В соответствии с этим, используя механизмы культуры, оно стимулирует одни, блокирует другие, вызывает к жизни, порождает те, которых не существовало ранее. Этот ансамбль сущностных сил человека, которые культивируются на том или ином этапе социокультурного развития, есть не что иное, как антропологическая структура культуры.

Таким образом, концепт «антропологическая структура культуры» позволяет понять, на какой тип человека «нацелена» та или иная культура, какие человеческие качества развивает, на какие смотрит неодобрительно, а каким и вовсе не дает развиваться в рамках той или иной культуры.

Представленную выше схему структуры сущностных сил человека можно рассматривать как своего рода «таблицу Менделеева», с помощью которой можно «вычислить формулу» любой региональной, национальной, этнической культуры или, говоря иначе, указать на её важнейшие типологические черты, её человеческое измерение.

На этой же базе возможно и построение исторической типологии, то есть выявление наиболее характерных типологических черт известных нам исторических типов культуры.

Результаты использования концепта «антропологическая структура культуры» как основы для построения историко-культурной типологии являются серьёзной проверкой его методологического и эвристического потенциала.

В самом кратком изложении результаты этой проверки можно представить следующим образом [2, с. 193–409].

Так, для антропологической структуры первобытной культуры характерен синкретизм. Наиболее заметная ее черта — направленность на стимулирование сущностных сил человека, связанных с его способностью жить в коллективе, что порождает «синкретизм» личности и коллектива. Тайна этого коллективизма — в низком уровне развития производительных сил, который требовал слаженных коллективных действий, поскольку в одиночку противостоять грозной природе было невозможно. Синкретизм характерен и для таких параметров антропологической структуры первобытной культуры, как индивидуальное и универсальное, объектное и субъектное, материальное и духовное. Синкретична и первобытная духовность: эмоциональное и рациональное слиты в ней в одно неразделимое целое.

Всем перечисленным особенностям первобытной культуры соответствовал основной продукт духовной деятельности людей того времени — миф. Главная его черта — синкретизм. Исследователи первобытной мифологии отмечают такие черты содержания мифа, как нерасчлененность в нем реальности и фантазии, субъекта и объекта, природы и человека, личности и коллектива.

Приципиальным для характеристики антропологической структуры культуры первобытного общества является вопрос о соотношении в ней биологического и социального. Для этой пары сущностных сил человека уже в рамках первобытной культуры синкретизм не свойствен. Культура, собственно, и начинается с противопоставления социального начала в человеке биологическому, животному. Так, в самых примитивных реликтовых человеческих сообществах имеют место такие признаки наличия культуры, как обуздание животных инстинктов, представляющих угрозу коллективной солидарности, те или иные способы регулирования отношения между ламами и регламентация распределения пищи.

Первобытный синкретизм разных сторон и сфер культуры был преодолен в культуре древневосточного типа. Она возникла на базе первых цивилизаций (Египет, государства Междуречья и т.п.). В этих регионах имелось огромное количество плодородных зе-

мель. Однако для того, чтобы воспользоваться богатствами природы, человеку надо было приложить огромные усилия. Надо было изучать разливы рек, связь их с движением звезд, строить гигантские ирригационные сооружения. Это требовало особых форм организации деятельности большого количества людей. В связи с этим собственником рабов и средств производства выступает, как правило, не индивид, а община или, позднее, само государство.

В политической сфере этому соответствовала деспотическая, до предела централизованная власть, перед лицом которой одинаково бесправными оказывались и рабы, и рабовладельцы. Система культуры была построена таким образом, чтобы продуцировать человека, способного не только вписаться и функционировать в этих социально-экономических и политических условиях, но и воспроизводить их. Культура и социум представляли собой, как и в первобытном обществе, некую целостность, обе части которой взаимно обуславливали друг друга.

Одна из заметных черт культуры древневосточного типа — подавление человеческой субъектности. Однако парадокс этой культуры заключается в том, что, ограничивая проявления человеческой активности в войне, она в то же время способствовала почти недостижимому для других культур погружению в глубины человеческого духа. Эту функцию выполняли в основном философия и религия. Движение культуры «вглубь» человека не было связано, однако, с развитием индивидуальности. Противоречие между общественным и личным также выявлено было культурой древневосточного типа и решено в пользу общественного.

Центральной особенностью культуры, построенной на подавлении личностного начала, была строгая регламентация всех сторон жизни и деятельности человека. Одно из проявлений этого — виртуозно разработанный этикет, другое — канон в искусстве.

Иной социокультурный организм сложился на северных берегах Средиземного моря: разнообразие природных условий и связанное с ним разнообразие видов человеческой деятельности и форм собственности, пестрота социального состава, отсутствие жесткой централизации внутри полиса — все это обуславливало соз-

дание принципиально иной, чем древневосточная, культуры и, с другой стороны, ею же поддерживалось и продуцировалось.

Античная культура как никакая иная выявила значение такой сущностной силы человека, как его тело, что и сформировало ее «телесный стиль», отмеченный Ф. Ницше, О. Шпенглером, А.Ф. Лосевым. В связи с этим можно предположить, что эстетическое сознание, ранее находившее предмет своего восприятия в основном в мире природы, теперь нашло его в человеческом теле, в котором был усмотрен образец гармонии. При этом гармоническое тело отнюдь не противопоставлялось духу. Напротив, культурной нормой считалась гармония тела и духа — «калокагатия».

В недрах человеческого духа древние греки также усмотрели противоречие — ума и сердца, или рационального и эмоционального. В разрешении этого противоречия первенствующую роль играл принцип гармонии. Но, отдавая должное человеческой чувственности в дионисийских ее формах, античная культура не вышла на уровень, который бы позволил ей культивировать человеческую эмоциональность в рафинированных ее формах.

Противоречие между биологическим и социальным также было осознано античностью и решено в знаменитой формуле Аристотеля: «Человек — животное общественное».

Еще одна особенность культуры античности — слабое развитие индивидуальности. Характерно, например, что статуя победителя олимпийских игр изображала не конкретного человека, а идеально прекрасное тело, увенчанное идеально прекрасной головой.

Противоречие между личным и общественным, как и на Востоке, античная культура решила в пользу общественного. Однако способы подчинения личного общественному оказались иными: на Востоке были подданные властителя — тирана, а в античном мире — даже во времена империи — все свободные были гражданами. Именно своими гражданскими поступками и добродетелями личность оказывалась полезной и нужной обществу.

Главный нерв античной культуры — противоречие объекта и субъекта как сторон человеческой сущности. Если во взаимоотношениях с обществом личность всегда находила тот или иной выход своей субъектности, то во взаимодействии с другой силой антич-

ный человек всегда представлял собой только объект. Этой силой была судьба, рок.

Таким образом, антропологическая структура античной культуры свидетельствует о том, что античная культура была первым в истории типом культуры, который строился на провозглашаемом и сознательно декларируемом принципе гармонии. Однако в реальности он ещё не нашёл достаточно полного своего воплощения.

Следующий этап развития человека, культуры и общества в их единстве — европейское Средневековье.

Важнейшими чертами антропологической структуры этого типа культуры являются ориентация на культивирование объектного (тварного) начала в человеке, то есть его способности к подчинению. Это проявлялось в жесткой регламентации извне всех видов деятельности человека. Противоречие между духом и телом средневековая культура решала на основе принципа аскетизма: если для античной культуры здоровое, красивое тело — одна из важнейших ценностей культуры, то для средневековой культуры оно лишь греховная, грязная оболочка божественной души человека. Поэтому культурной нормой было всяческое истязание плоти. Для средневековой культуры характерно также противопоставление рационального и эмоционального в человеческой духовности, разума и веры. Разум — источник сомнения, а оно грех, поскольку подрывает веру. Вместе с тем культура религиозного типа во всех своих элементах и проявлениях густо насыщена эмоциями самого разного плана: от экстатической любви до дикой ненависти, от тихого умиления до всепоглощающего страха и т.п.

В связи с этим следует признать, что эмоциональный опыт Средневековья при всей своей односторонности был шагом вперед по сравнению с холодной в эмоциональном отношении античностью и подготовил почву для развития внутреннего мира человека нового времени.

Особенно заметной связь между человеком, обществом и культурой стала в новое и новейшее время.

Специфика культуры нового и новейшего времени тесно связана с особенностями капитализма как общественно-экономического строя. В его развитии можно выделять три основных этапа: класси-

ческий, построенный на принципе свободного предпринимательства; государственно-монополистический, когда широко применяются принципы государственного регулирования; посткапитализм (современный этап), когда практикуется и свободное предпринимательство, и государственное регулирование.

Однако экономический закон капитализма на всех этапах его развития остается по сути своей неизменным – это максимизация прибылей, что является объективной основой иерархии ценностей культуры. Во главе ее оказывается индивидуалистический успех личности, измеримый деньгами.

Основным центром напряжения в антропологической структуре прагматистской культуры оказывается коллизия «личное — общественное». Принцип свободного предпринимательства требует решения этого противоречия в пользу личного. Однако в условиях больших корпораций ощущение возможности результативно отстаивать личные интересы остается лишь у представителей руководящей элиты. Для средних и низших слоев служащих поле конкурентной борьбы сужается, однако ожесточенность ее даже возрастает. Отсюда можно сделать вывод, что перед западной культурой стоит насущная задача — снятие принципа индивидуализма и принципа коллективизма.

Метаморфозы принципа индивидуализма можно проследить в способах решения западной культурой антропологического противоречия «объектное — субъектное». Свободное предпринимательство требует от человека инициативы, способности к риску. Условием и следствием господства над внешними обстоятельствами является умение выступать субъектом творчества самого себя, поэтому идеалом личности эпохи свободного предпринимательства стал “self made man” — “человек, сделавший себя сам”. Сужение базы человеческой субъектности происходит в условиях господства крупных корпораций, в связи с чем рядовой индивид все более становится объектом планов, выработанных другими. Для наиболее активных социальных групп характерно стремление изменить эту ситуацию, в связи с чем можно констатировать наличие еще одной проблемы: необходимость гармонического синтеза объектных и субъектных свойств человека.

Взаимоотношение другой пары сущностных сил человека — «телесное — духовное» — не имеет в культуре нового времени такой остроты, как в культуре религиозного типа. Связано это с тем, что в практике конкурентной борьбы и то и другое является важным средством достижения успеха.

Весьма непросто складывается ситуация и в сфере духовности прагматистского типа. Стремление к получению максимальной прибыли требует максимальной рационализации производства и всех других сторон жизни. Важнейший признак этой «формальной рациональности» (термин М. Вебера) — отчужденный характер целеполагания. Отсюда ограниченность ценностного горизонта всех ее «этажей»: при выборе целей и средств деятельности, оценке ее конечных результатов главным является критерий ограниченно понимаемой полезности. Типологической чертой формальной рациональности является также фетишизация формальной логики и количественного анализа. Это порождает напряжённые отношения между рациональным и эмоциональным как сторонами духовного содержания культуры.

Формальная рациональность во многих отношениях эффективна. Однако ее узость проявляется в том, что средства перемещаются в область целей, что сказывается на характере решения многих проблем, в том числе и глобального масштаба. Это вызывает к необходимости новой рациональности, отличающейся от формальной прежде всего характером целеполагания, т.е. ориентацией на гуманистические ценности. Поиски ее являются характерной чертой современности.

Противоречие «социальное — биологическое» в культуре нового и новейшего времени решалось по-разному. Так, в эпоху свободного предпринимательства точка зрения утилитаризма диктовала необходимость подавления биологических инстинктов. Формы обуздания их были столь суровы, что получили название («внутри-мировой аскезы»). Однако возрастание товарной массы потребовало поощрительного отношения к потребительству. Это привело к необходимости снять многие запреты. В настоящее время в этой области происходит «отрицание отрицания». Так, в программах современных неоконсерваторов содержится призыв вернуться к

принципам «внутримирской аскезы». Связано это с экологией в самом широком смысле этого слова, поскольку необузданный гедонизм не только опустошает природу, но и разрушает человеческое тело и душу.

Специфика культурной ситуации, характерной для современного западного мира, находит свое концентрированное выражение в разрешении антропологического противоречия «индивидуальное — универсальное». Практика конкурентной борьбы, взывающая к находчивости, чувству нового, стимулирует развитие индивидуальности. В равной мере интернационализация общественной жизни способствует росту универсальности человека. Однако наряду с этими тенденциями существуют и прямо им противоположные: поведение и образ жизни человека, вовлеченного в круговерть конкурентной борьбы, оказываются зачастую стереотипными. Причина этого — в прагматистски-индивидуалистической ограниченности целей его деятельности.

Таким образом, в разрешении противоречий личного и общественного субъектного и объектного, телесного и духовного, эмоционального и рационального, биологического и социального, индивидуального и универсального западная культура использует зачастую подходы прямо противоположного свойства, пороку доходя до крайностей. Вместе с тем этот динамизм дает возможность значительно развить сущностные силы человека, что является предпосылкой решения проблемы их гармонического снитеза.

Таким образом, анализ исторических типов культуры позволяет установить, что каждый из них внес и вносит свой вклад в развитие сущностных сил человека, что является одним из важнейших законов развития культуры.

Проблема построения историко-культурной типологии тесно связана с другой фундаментальной проблемой, каковой является проблема гуманизма.

Так, исходя из представленной типологии, культуру можно определить как систему способов и результатов развития сущностных сил человека, функционирующую в целях удовлетворения потребностей общества, отдельных социальных групп и личности [2, с. 155].

В этом определении заложена идея о человекотворческой сущности культуры, которая реализуется через выполнение ею двуединой функции: для общества культура создает человека, способного осуществлять расширенное воспроизводство данных социальных отношений, человека она снабжает знаниями, навыками, умениями и т. п., овладев которыми, он получает возможность «вписаться» в общество, существовать в нем, удовлетворять свои личные потребности, развивать свои способности.

Таким образом, культура изначально ориентирована на человека и в этом смысле изначально гуманистична. Исходя из этого, можно утверждать, что гуманизм имманентен культуре, является фундаментальным принципом культуротворчества.

Однако образ человека, на который ориентируется та или иная культура, будь то исторический, национальный или региональный тип, значительно варьируется. Это зависит от многих причин: «веяния эпохи», культурных контактов, потребностей и возможностей конкретного общества, которое связано с данной культурой отношениями взаимной детерминации, наконец, внутренней логикой развития самой культуры.

В соответствии с этим представление о том, что принцип гуманизма является самодостаточным и самоценным, можно признать верным лишь отчасти. Конечно, ориентация на человека, его свободу, счастье, достоинство, что и подразумевает принцип гуманизма в его наиболее известном варианте интерпретации, содержит в себе признаки самоценности. Однако вслед за этой констатацией возникает вопрос: а что, собственно, имеется в виду, какой человек, каковы его основные черты, какие из них одобряются обществом и культурой, какие порицаются, в чем видится достоинство человека, какова «формула» счастья и средства его достижения и т. п. Только ответ на эти вопросы в их совокупности может дать представление о содержании того или иного типа гуманизма.

Характеристику каждого из исторических типов культуры на основе концепта «антропологическая структура культуры» можно рассматривать как характеристику определённого исторического типа гуманизма.

Исходя из этого, можно утверждать, что все исторические типы гуманизма были существенно односторонни. Так, гуманизм нового времени, ведущий свою родословную от эпохи Возрождения, отличительной своей чертой имеет индивидуализм — принцип, лежащий в основе разрешения всех антропологических противоречий культуры Нового и новейшего времени.

Под флагом гуманизма проводился и эксперимент по строительству социализма в нашей стране. При этом следует отличать содержание гуманизма, которое декларировалось, от того содержания, которое реально воплотилось в жизнь. В многочисленных декларациях по поводу гуманистической сущности социализма речь шла о гармонически развитом человеке. Реальный же гуманизм, который, несомненно, имел место, хотя и есть основания в этом сомневаться, был столь же, если не более, односторонен, как и индивидуалистический гуманизм.

Наиболее ярко это проявлялось в том, что противоречие между человеческой субъектностью (способностью творить) и объектностью (способностью впитывать внешние воздействия, быть творимым) решалось в основном на основе объектной парадигмы. Суть ее в том, что человек, несмотря на все декларации, рассматривался в основном как объект внешних воздействий и как средство, а не как субъект и высшая цель общественного развития.

XXI век должен стать веком преодоления ограниченности всех ранее известных форм гуманизма и торжества принципа универсального гуманизма. Сущность его заключается в ориентации культуры и общества на формирование в человеке гармонического единства всех его сущностных сил на интегративной основе творческой доминанты личности.

На языке практики это означает необходимость культивирования комплекса сущностных сил человека, которые выражаются, с одной стороны, в глубоком творческом динамизме личности, наличии у нее чувства нового, инициативности, т.е. способности быть субъектом, а с другой — в умении быть дисциплинированным, исполнительным, т.е. быть пластичным объектом внешних воздействий. Не меньшее значение имеет и гармонизация сущностных сил, которые можно обозначать понятиями «личное» и «общественное»,

«мое» и «наше», т.е. воспитание человека с развитыми личными интересами и устремлениями, обладающего в то же время качествами убежденного коллективиста и сознательного гражданина.

Задачей особой сложности является необходимость культивирования яркой индивидуальности, способной в то же время в режиме саморегуляции справляться с поползновениями в сторону бесплодного оригинальничания и эпатажного, при этом зачастую негуманного по отношению к другим, поведения.

Один из важнейших аспектов принципа универсального гуманизма — подход к человеку с точки зрения единства в нем телесного и духовного начал, а в сфере человеческой духовности — с точки зрения гармонии «ума» и «сердца», т.е. интеллектуальных и эмоциональных сторон духовного мира человека.

Необходимость превращения универсального гуманизма в цивилизационный принцип требует воплощения его содержания не только в культуре, но и в социуме, т.е. в экономических, политических и собственно социальных отношениях и структурах. Так, в области экономики принципу универсального гуманизма соответствует многообразие форм собственности, подразумевающее возможность приложения, использования и развития многообразных способностей и потребностей человека; в области политики — демократия, которая, по определению, способна вовлечь в управление обществом наибольшее количество людей, в социальной области — всемерное развитие разнообразных «форм общественности» (Ю. Хабермас), т.е. негосударственных, неформальных объединений, имеющих целью отражать в своей деятельности различные оттенки мнений и интересов граждан.

Итак, торжество принципа универсального гуманизма возможно лишь в случае воплощения его содержания и в культуре, и в экономике, и в политике, и в социальных отношениях. Однако особые требования в этой ситуации предъявляются именно к культуре, поскольку воспользоваться возможностями, которые предоставляют демократия и разнообразие форм собственности, может только человек, обладающий соответствующими навыками, знаниями, потребностями, т.е. человек соответствующим образом культивированный.

Если задаться вопросом, какая из сфер культуры должна сыграть решающую роль в построении универсально-гуманистической культуры, то ответ, как представляется, может быть лишь один: такой сферой культуры может быть только сфера образования и воспитания. Для того, чтобы это произошло в реальности, необходимо, чтобы целевым ориентиром образования и воспитания стал образ гармонически развитого человека.

В связи с этим нельзя не отметить, что идущая в настоящее время в нашей стране реформа образования и воспитания не имеет чёткой целевой ориентации. Образ человека, формируемого образовательным процессом, размыт и неясен. Между тем надо отдавать себе отчёт в том, что образование без образа — это безобразие.

Подводя итоги, следует отметить, что универсальный гуманизм — принцип достаточно широкий, чтобы гарантировать сохранение многообразия культур, поскольку предусматривает возможность и необходимость специфики проявлений всех человеческих качеств, связанной с особенностями этнической, региональной или локальной культур.

Будучи достаточно широким для того, чтобы обеспечить и гарантировать разнообразие, принцип универсального гуманизма в то же время достаточно конструктивен, чтобы служить идейной основой объединения человечества, т.е. глобализации с человеческим лицом [3].

Решение проблемы гуманизма на основе концепта «антропологическая структура культуры» открывает путь к решению другой фундаментальной проблемы философии культуры и культурологии, каковой является проблема критерия прогресса в культуре. В качестве такового в свете изложенного ранее, можно рассматривать степень приближения к идеалу гармонически развитого человека.

Таким образом, использование концепта «антропологическая структура культуры» даёт убедительные ответы на ряд ключевых вопросов философии культуры и культурологии: построение исторической типологии культуры и теоретической модели должного состояния культуры [4, с. 414–497], проблемы гуманизма, критерия прогресса в культуре и т.п.

В неменьшей степени, чем в решении фундаментальных культурфилософских и культурологических проблем, эвристический и методологический потенциал концепта «антропологическая структура культуры» проявляется и в анализе отдельных сторон, аспектов и феноменов культуры.

Это можно показать на примере корпоративной культуры [5]. Как известно, феномен корпоративной культуры, т.е. культуры корпораций как специфических социально-экономических образований, обладает ярко выраженной спецификой. Она проявляется, с одной стороны, в таких позитивных чертах и тенденциях, как коллективизм, эмоциональная насыщенность, внешняя эстетичность, четкая структурированность. С другой стороны, при ближайшем рассмотрении оказывается, что за этим красивым фасадом скрывается такое опасное явление, как тенденция к потере человеческой индивидуальности, осознание ценности которой является одним из важнейших достижений культуры нового и новейшего времени. Все это позволяет считать необходимость осмысления корпоративной культуры одним из вызовов современности, требующим адекватного ответа.

При этом надо отметить, что зачастую авторы работ, посвященных корпоративной культуре, заняты скрупулезным анализом ее семиотики, но забывают о человеческом измерении корпоративной культуры, которое для нее, как и для всякого культурного феномена, является главным.

Главной проблемой, решаемой корпоративной культурой, является сочетание интересов фирмы (корпорации) как целого и интересов ее сотрудников. При этом определяющим является интерес корпорации; интересы отдельных сотрудников удовлетворяются и стимулируются в той мере, в какой это способствует достижению целей корпорации как целого.

В соответствии с этим несущими конструкциями в антропологической структуре корпоративной культуры являются пары противоположностей — «индивидуальное — универсальное», «личное — общественное». При этом как универсальное, так и общественное «съеживаются» до объемов фирмы, и именно этому «божеству», а точнее сказать, «божку» приносится в жертву индивидуальное и личное. При этом нельзя не отметить, что многие фирмы прилагают

немало усилий к тому, чтобы смягчить болезненность этой жертвы, что опять-таки способствует интересам фирмы. Таким образом, можно сделать вывод, что корпоративная культура есть не что иное, как система способов и результатов развития и использования человеческого потенциала персонала фирмы (корпорации) в целях оптимизации деятельности корпорации и повышения уровня ее конкурентоспособности.

Интересные результаты может дать использование концепта «антропологическая структура культуры» и в анализе такого феномена, как коммерческая реклама.

Её главная цель находится вне культуры и определяется необходимостью сбыть товар. Однако коммерческая реклама вступает с культурой в многообразные отношения: в частности, она, с одной стороны, использует культуру, а с другой — активно воздействует на неё, что сказывается в первую очередь в формировании определённых человеческих качеств, необходимых для того, чтобы человеком овладело неодолимое желание купить тот или иной товар. В соответствии с этим воздействие коммерческой рекламы на человека сказывается в первую очередь в подавлении творческого, субъектного начала в пользу объектного, тварного, в подавлении индивидуального, но не в пользу универсального, общечеловеческого, а в пользу массового, общепринятого. Рациональное как компонент человеческой духовности приносится коммерческой рекламой в жертву эмоциональному, причем в самых примитивных его проявлениях, социальное — в жертву биологическому, в форме разнообразных животных инстинктов.

Апелляция коммерческой рекламы к личным интересам в противовес общественным и к телесному в противовес духовному довершает картину деструктивного воздействия этого экономического феномена на антропологическую структуру культуры.

Драматизм ситуации усиливается за счёт того, что силу своего в основном негативного воздействия на культуру коммерческая реклама черпает из самой же культуры: она широко использует популярные художественные образы, апеллирует к базовым ценностям, в том числе таким, как семья, Родина, личное достоинство и т.п. И всё это с одной целью: продать. Таким образом, не боясь уп-

рёков в излишней резкости, можно смело утверждать, что коммерческая реклама — это паразит культуры. Как всякий паразит, она питается соками другого организма, и его же отравляет своими ядами.

Практические выводы, которые могут следовать из этого теоретического анализа, в первую очередь должны быть связаны с осознанием того, что запретить коммерческую рекламу нельзя, здесь возможны только некоторые ограничения — по времени, сюжетам, формам подачи. Кардинальное же решение проблемы заключается в активизации и соответствующей направленности работы всей системы культуры. Это возможно на основе теоретически и методологически выверенной культурной политики, главной целью которой должно являться развитие и реализация человеческого потенциала как главного ресурса того или иного общества [6].

Анализ корпоративной культуры, коммерческой рекламы и ряда других социокультурных феноменов [7] на основе концепта «антропологическая структура культуры» показывает, что он может быть использован в экспертной и проектной деятельности в сфере культуры, поскольку дает универсальный критерий оценки существующих или проектируемых объектов и систем. Таковым являются степень соответствия их «антропологического измерения» параметрам гармонически развитого человека.

Культурология, достаточно полно использующая методологический и эвристический потенциал идеи о человекотворческой функции культуры, может служить теоретической базой практического решения не только частных, но и глобальных проблем современности. Среди них обычно называют такие, как кризисное состояние экономики и окружающей человека природной среды, непрекращающиеся локальные войны, терроризм и антропологический кризис, который выражается в неспособности человека адаптироваться к изменяющейся действительности, неспособности решать все названные проблемы. Это обстоятельство заставляет предположить, что антропологический кризис, о котором обычно говорят в последнюю очередь, должен стоять на первом месте в ряду глобальных проблем современности. А поскольку творение человека — это миссия культуры, то становится очевидным, что именно она должна сыграть главенствующую роль в преодолении

всех многообразных кризисов и в поиске путей развития человечества [8, с. 90–103].

Одним из самых ёмких понятий, характеризующих современную социокультурную ситуацию, является понятие «глобальная культура». Оно имеет по меньшей мере три смысловых аспекта: глобальная культура как реальность, глобальная культура как процесс и, наконец, глобальная культура как проект. В этом последнем смысле понятие «глобальная культура» совпадает с понятием «теоретическая модель должного состояния культуры». В её создании, а следовательно, в проектировании будущего человечества, решающая роль принадлежит культурологии как науке о культуре. Обязательным условием для этого должна стать ориентация культурологии на человека как на главный вектор своего развития [9, с. 56–63]. И именно такая, человекоориентированная, культурология может и должна занять достойное место в образовании всех уровней и направлений [10, с. 288–292] и в просветительской работе. Таким образом, человекоориентированная культурология становится одновременно и практикоориентированной, а в этом залог востребованности и культурологии и культурологов.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема человека имеет мультидисциплинарный характер. Трудно назвать науку или научную дисциплину, которая была бы полностью изолирована от антропологической тематики; даже там, где предметом изучения являются природные объекты, неизменно возникает вопрос о человеке как о субъекте познавательной деятельности. Методологической базой всех направлений изучения феномена человека являются философия, философия культуры и культурология, в которых траектория процесса осмысления проблемы человека приобретает зигзагообразный характер. Так, культурологическая аксиома «человек есть творец и творение культуры» обуславливает необходимость обращения к философской антропологии и к её идее принципиальной двойственности человека; возвращение в исследовательское поле культурологии создает возможность формирования концепта «антропологическая структура культуры»; его методологический потенциал не только позволяет решать теоретические и практические проблемы культурологии, но и дает выход на социально-

философскую и культурфилософскую тематику. Она включает такие вопросы, как гуманизм, новый цивилизационный принцип, критерий прогресса культуры, единство и разнообразие культур в эпоху глобализации и т.д. и т.п.

Таким образом, проблема человека отчётливо выявляет характер связей между философией, философией культуры и культурологией, который можно определить по формуле *«неслиянны и нераздельны»*: с одной стороны, каждая из этих дисциплин имеет свой предмет, с другой стороны, невозможно провести между ними разделительную линию, поскольку они находятся в отношениях постоянного взаимодействия и взаимообогащения.

1. Круглова Л. К. Концепт «Антропологическая структура культуры»: эвристический и методологический потенциал // Мир культуры и культурология : альманах научно-образовательного культурологического общества России, выпуск II. СПб. : Изд. РХГА, 2012. С. 194–206.
2. Круглова Л. К. Культурология. СПб., 2008.
3. Круглова Л. К. Универсальный гуманизм как основание разнообразия и единства культур // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества : сб. научных статей. СПб. : Изд-во СПбКО, 2010.
4. Круглова Л. К. Теоретическая модель гуманистической культуры // Круглова Л. К. Культурология. СПб., 2008. С. 414–497.
5. Круглова Л. К. Корпоративная культура как один из вызовов современности: методологический аспект // Философия культуры и культурология: вызовы и ответы : сб. научных статей. СПб., 2007.
6. Круглова Л. К. Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологическая основа культурной политики // Мир культуры и культурология. СПб., 2011. Вып. 1.
7. Круглова Л. К. Пир как квинтэссенция культуры : Философия пира : Опыт систематизации / под ред. проф. К. С. Пигрова. СПб., 1999.
8. Круглова Л. К. Креативный потенциал культурологии как теоретической основы практического решения глобальных проблем современности // Культурологическая парадигма. Вып. 1. Познавательные возможности культурологии. М. : Согласие, 2011. С. 90–103.

9. Круглова Л. К. ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: PRO ET CONTRA // Семьозис и культура: интеллектуальные практики : монография. Сыктывкар, 2013. Гл. 2. С. 56–63.

10. Круглова Л. К. Культурология в технических вузах: статус и престиж, теория и практика // Мир культуры и культурология : альманах науч.-образоват. культуролог. общества России. СПб., 2013. Вып. 3. С. 288–292.

Г. Л. Тульчинский

Справедливость и справедливости: типы справедливости, власти и соответствующих конфликтов

УДК 17.2

Работа опирается на ряд разработок автора, А. Кожева, Л. Болтански и Л. Тевено. Справедливость предстает конкретной гармонизацией представлений конкретных социальных групп конкретного общества — в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. Выявление такой диспозиции и выступает главной задачей политического анализа справедливости.

Ключевые слова: Нормы, политическая наука, справедливость, ценности, этос.

G. L. Tulchinskii. Justice and Justices: Types of Justice, Power and Relevant Conflicts

The paper is based on a number of works by the author, A. Kozhev, L. Boltanski and L. Teveno. Justice presents specific idea for harmonization of the specific interests of concrete social groups of the concrete socium — depending on the characteristics of historical development and the balance of power in this socium. Identification of such a disposition is the main task of political analysis of justice.

Keywords: Ethos, justice, norms, political science, values.